ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XCV

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1904

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

АВНО упрашиваютъ меня друзья написать мои воспоминанія, но въ нихъ столько грустнаго и тяжелаго, что даже теперь, переступивъ порогъ неумолимой старости (мнѣ минуло 64 года), я рѣшаюсь на это съ трудомъ. На Руси несчастныхъ женщинъ много,—кому можетъ быть интересна исторія моихъ личныхъ страданій? Но все, что я вытерпѣла, всѣ бѣдствія моей жизни такъ тѣсно связаны съ личностью моей бабушки, что ужъ по одному этому они должны, мнѣ кажется, представлять несомнѣнный интересъ для людей, изучающихъ личность моего дѣда, извѣстнаго дѣятеля Павловскаго и Александровскаго времени, графа Ѳ. В. Растопчина, неразрывно связанную съ личностью его супруги.

При чтеніи въ «Русскомъ Архивѣ» переписки А. Я. Булгакова съ его братомъ, прошлое воскресло въ моей памяти съ неудержимою силой, и угасшія было воспоминанія, какъ живыя, встали передо мною, но окончательный толчокъ, заставившій меня взяться за перо, была книга моего племянника, маркиза Пьера де-Сегюра [1]), о моемъ дѣдѣ и его прадѣдѣ, въ которой онъ описалъ бабушку мою такъ пристрастно, что чувство справедливости заговорило во мнѣ сильнѣе уваженія къ матери моего отца и даже къ самому моему отцу.

Графиня Екатерина Петровна имѣла такое вліяніе на мужа, на его взгляды на жизнь его дѣтей, на потерю огромнаго его со-

---

[1]) Покойный его отецъ былъ вторымъ сыномъ сестры моего отца, Софьи Ѳедоровны Ростопчиной, замужемъ за маркизомъ Евгеніемъ Сегюръ.

стоянія, а вслѣдствіе того и на судьбу его внуковъ, что личность эта требуетъ настоящаго освѣщенія.

Пьеръ де-Сегюръ пишетъ прекрасно, его сочиненія намѣтили ему мѣсто во французской академіи, слова его будутъ приняты безъ протеста, и «святая» личность перешедшей въ католичество графини Ростопчиной превратится въ историческое преданіе. Пьера де-Сегюра нельзя винить за превратное мнѣніе о прабабкѣ его: въ семьѣ его не можетъ не быть священна память о фанатичкѣ, ненавидѣвшей Россію и все русское, все православное и, насколько это было возможно ея черствому сердцу, любившей только младшую свою дочь (тоже перешедшую въ католичество) въ ущербъ старшей, Натальѣ Ѳедоровнѣ Нарышкиной, не поддавшейся пагубному вліянію матери и не измѣнившей вѣрѣ своихъ предковъ. Бабушка осыпала благодѣяніями всю семью своей второй дочери и особенно ласкала старшаго ея сына, Гастона [1]), два раза ѣздившаго гостить къ ней Москву, бывавшаго съ нею въ католической церкви и видѣвшаго, какую роль играетъ она въ католической колоніи, какъ матери подносили къ ней дѣтей со словами: «Прикоснитесь къ одеждѣ святой!» Онъ слышалъ восторженныя похвалы, расточаемыя ей аббатами, которымъ она раздавала все, что оставалось у нея отъ щедрыхъ подачекъ Сегюрамъ, и понятно послѣ этого, что по возвращеніи во Францію онъ всѣмъ повторялъ, что бабушка его Ростопчина—святая. И этотъ незаслуженный вѣнецъ святости, возложенный имъ на ея главу, племянникъ его Пьеръ де-Сегюръ всею силою своего таланта старается поддерживать въ неприкосновенности. Пора показать обратную сторону медали и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность русской аристократки, супруги великаго патріота, скончавшагося въ чувствахъ вѣрнѣйшаго сына православной церкви.

Спасибо памяти А. Я. Булгакова, онъ доставилъ мнѣ неопровержимое подтвержденіе всего видѣннаго мною въ дѣтствѣ и слышаннаго отъ людей, коротко знавшихъ интимную жизнь нашей семьи. Память моя еще, слава Богу, свѣжа, и суровая, неумолимая фигура моей бабушки, какъ живая, встаетъ передо мною въ грозномъ своемъ величіи. Попробую же изложить впечатлѣнія, особенно рѣзко отразившіяся въ моей душѣ, слѣдуя при этомъ правиламъ истины, которыми я руководилась всю мою жизнь.

---

[1]) Впослѣдствіи ослѣпшаго и умершаго епископомъ in partibus infidelium.

I.

Происхожденіе Екатерины Петровны Протасовой. — Ея воспитаніе. — Ея сестры. — Причина пристрастія къ католичеству. — Наружность Екатерины Петровны. — Оставшіеся послѣ нея портреты. — Отношенія между супругами Ростопчиными до перехода графини въ католичество.

Дочь сенатора, генералъ-поручика Петра Степановича Протасова, Екатерина Петровна очень рано попала ко двору со своими сестрами, впослѣдствіи княгинями Голицыной и Васильчиковой, графиней Толстою и оставшейся въ дѣвицахъ, горбатой Варварой Петровной Протасовой. Изъ нихъ осталось вѣрна православной вѣрѣ одна только графиня Толстая.

Тетка ихъ, извѣстная подруга всей жизни императрицы Екатерины II, Анна Степановна Протасова, взяла ихъ къ себѣ на воспитаніе, и когда была пожалована въ графское достоинство, титулъ этотъ былъ одновременно пожалованъ и ея племянницамъ.

Всѣ онѣ получили утонченнѣйшее, по тогдашнему времени, воспитаніе. Бабушка моя безукоризненно говорила по-французски, знала языки нѣмецкій, англійскій, латинскій и греческій, но русскому ихъ не сочли нужнымъ выучить, и вотъ на этой-то почвѣ полнѣйшаго и постыднаго незнанія отечественной исторіи, религіи и языка зиждется причина перехода въ католичество сестеръ Протасовыхъ.

Воспитанныя внѣ всякихъ религіозныхъ правилъ, въ вольнодумствѣ, онѣ ощутили потребность обратиться къ Богу тогда только, когда наступило разочарованіе въ утѣхахъ свѣтской жизни, но молиться не умѣли. Бросились въ церковь—и ничего не поняли въ величавой красотѣ православной службы, самый языкъ которой имъ былъ вполнѣ чуждъ.

Уныло вернулись онѣ въ свои роскошные покои, гдѣ ждали ихъ іезуиты эмигранты, передъ которыми онѣ и опустились на колѣни, въ чаяніи духовной поддержки и утѣшенія.

Но я забѣгаю впередъ.

Екатерина Петровна была въ молодости безспорно красива, и я недавно вступила въ полемику съ моимъ почтеннымъ другомъ Н. И. Мердеръ, описавшею ее въ своемъ интересномъ романѣ «Въ годину бѣдствій», какъ безобразную, съ огромными ушами и сиплымъ голосомъ. Такою она сдѣлалась въ глубокой старости, когда мы жили у нея въ домѣ на Басманной. Она тогда уже начинала впадать въ дѣтство и часто, невзирая на сопротивленіе компаньонки, появлялась въ гостиной нашей матери. Когда ей случалось застать у насъ не стараго гостя, она непремѣнно обращалась къ нему съ вопросомъ, приводившимъ насъ въ великое смущеніе: «Для которой изъ моихъ внучекъ вы сюда пріѣзжаете,

мсье?» Иногда шутникъ, притворяясь, что не понимаетъ смысла ея словъ, съ напускною наивностью отвѣчалъ: «для обѣихъ, графиня», и отвѣтъ этотъ приводилъ ее въ ярость: сердито окидывала она его испытующимъ взглядомъ и величественно удалялась.

Въ то время она отъ старости стала меньше ростомъ, голосъ ея осипъ, и отъ дурной привычки почесывать у себя за ушами уши у нея опухли, и изъ нихъ сочилась кровь. Но, опять повторяю, такою она сдѣлалась въ глубокой старости, а въ молодости была красива. Разоблачая, во имя правды, ея безобразный нравственный обликъ, я не могу умолчать, что у нея были прекрасные, полные огня, черные глаза, правильныя черты лица, ослѣпительной бѣлизны зубы, высокій стройный ростъ и густые волосы, которые даже въ глубокой старости приходилось часто подрѣзывать (она носила прическу à la Titus), такъ быстро они росли.

Въ апрѣлѣ 1901 года, на художественной выставкѣ въ Москвѣ, мой троюродный братъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ (начальникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, умершій въ томъ же году), обратилъ мое вниманіе на выставленный имъ очатомъ же году), обратилъ мое вниманіе на выставленный имъ очаровательный портретъ маслянымя красками бабушки моей, молодой женщиной, съ густыми волосами въ мелкихъ букляхъ. Она держитъ на пальцѣ попугая, и вся фигура очень граціозна.

У меня сохранился портретъ карандашомъ, съ легкою ретушью краской на щекахъ и губахъ, сдѣланный въ Парижѣ: три профиля рядомъ, отца моего ребенкомъ, сестры его Елизаветы Ѳедоровны и бабушки, съ большими, опушонными густыми рѣсницами, глазами. Есть еще ея портретъ работы Кипренскаго, въ сидячемъ положеніи, на которомъ она представлена уже сорока лѣтъ, съ выразительнымъ и привлекательнымъ лицомъ, въ рединготѣ бронзоваго цвѣта, скрещенномъ на груди, и съ короткой таліей (модѣ этой она оставалась вѣрна до самой смерти), на плечи ея наброшена кашемировая шаль (обычная принадлежность свѣтской женщины тогдашняго времени), а на головѣ бѣлый тюлевый чепецъ, обрамляющій лицо густою рюшью. Во всякомъ случаѣ дѣдъ не женился бы на ней, если бы она была некрасива, но что при красотѣ Екатерина Петровна была не симпатична и не любезна, это фактъ, и сама она намъ разсказывала, что совсѣмъ еще молодой дѣвицей начала нюхать табакъ, чтобъ не заснуть на балахъ, на которыхъ мало танцовала. Если ужъ и тогда считала она танцы предосудительной и безнравственной забавой, то очень можетъ быть, что именно такая серіозность и понравилась графу Ѳедору Васильевичу, бывшему тоже серіознаго нрава и высоко цѣнившему въ женщинѣ умственныя и нравственыя качества. Что жену свою онъ любилъ глубоко и нѣжно, считая ее во всѣхъ отношеніяхъ совершенствомъ, это несомнѣнно и подтверждается множествомъ фактовъ: въ завѣщаніи, написанномъ имъ въ 1811 году, онъ отдаетъ

ей все свое состояніе, а въ послѣднемъ, написанномъ передъ смертью, лишаетъ ее всего. Почему? Потому что она перешла въ католицизмъ и заставила свою вторую дочь Софью отказаться отъ православія. Сдѣлано это было тайкомъ отъ мужа,—отъ такого мужа, который писалъ ей неоднократно въ сохранившихся у меня письмахъ: «Цѣлую твои ножки, моя благодѣтельница. Молись Богу, мой другъ; молитвы праведныхъ до Него доходятъ. Мы были счастливы, жили въ единеніи и согласіи, а теперь, когда мы увидимся? Цѣлую тебя съ сердцемъ, полнымъ твоими добродѣтелями, и съ надеждой на счастье, которымъ мы будемъ наслаждаться въ будущемъ. (16-го сентября 1812 года. Вороново)». «Сергѣй предшествуетъ мнѣ двумя днями. Я не хотѣлъ отсрочивать минуту его свиданія съ достойнѣйшей матерью и почтеннѣйшей женщиной въ мірѣ. (Владиміръ. 3-го октября 1812 годъ)». «Возвращайся въ разрушенный городъ, въ ограбленный домъ, къ обожающему тебя и уважающему тебя превыше всякаго выраженія мужу. (Москва, 1-го ноября 1812 г.)».

Да, графъ Ѳедоръ Васильевичъ любилъ и уважалъ свою жену. Но любовь эта изсякла, и уваженіе исчезло.

II.

Причина разъединенія супруговъ Ростопчиныхъ. — Вліяніе іезуитовъ. — Указъ императора Александра I сенату, 20-го декабря 1815 года. — Высылка іезуитовъ изъ Россіи. — Аббатъ Сюрюгъ. — Случай, послужившій толчкомъ къ увлеченію Екатерины Петровны католицизмомъ. — Отпаденіе отъ православія ея сестеръ. — Аббатъ Малербъ и мнѣніе о немъ А. Я. Булгакова.

Причина, служившая разъединеніемъ столь нѣжно любящихъ супруговъ, такъ тѣсно связана съ историческими событіями духовнаго строя въ Россіи, что ей надо посвятить нѣсколько словъ.

Никто не изучилъ и не описалъ такъ документально вліянія католицизма въ Россіи, какъ графъ Дмитрій Толстой. Не имѣя подъ рукой русскаго изданія его книги «Le Catholicisme romain en Russie» (Dentu, 1864), я привожу здѣсь въ переводѣ отрывокъ изъ французскаго изданія.

При раздѣлѣ Польши, Россія получила вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей и іезуитовъ. Считая ихъ орденъ вѣроломнѣе и опаснѣе прочихъ католическихъ орденовъ, Екатерина II предписала губернаторамъ особенно зорко за ними слѣдить. Это было въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году орденъ этотъ былъ упраздненъ папою Климентомъ XIV. Изгнанные отовсюду іезуиты добились дозволенія существовать въ одной только Россіи. Въ 1814 году Римская курія торжественно подтвердила свой приговоръ надъ орденомъ, нашедшимъ у насъ пристанище. И чѣмъ отплатили іезуиты Россіи за ея вѣротерпимость? Совращеніемъ въ католичество мо-

лодыхъ людей, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, и женщинъ изъ высшаго общества. Этому способствовалъ своимъ вліяніемъ и общественнымъ положеніемъ знаменитый графъ де-Местръ, посланникъ сардинскаго короля и тайный агентъ Римской куріи. Онъ управлялъ іезуитами, наблюдалъ за католическимъ духовенствомъ и вообще велъ себя, не какъ посланникъ, а какъ шпіонъ. Впослѣдствіи онъ письменно сознался, что «всякій государь обязанъ защищать религію своей страны отъ посторонняго вмѣшательства, и что съ обращеніемъ въ католичество въ Россіи было поступлено слишкомъ неосмотрительно и поспѣшно».

Главною неосторожностью пылкихъ апостоловъ было обращеніе несовершеннолѣтняго племянника самого министра вѣроисповѣданій, князя Александра Николаевича Голицына. Ловушка была изготовлена весьма искусно: юный неофитъ нашелъ случайно въ печкѣ якобы забытый въ ней бывшимъ своимъ гувернеромъ іезуитомъ католическій молитвенникъ, прочелъ его и принялъ католическую вѣру. Свершилось это весьма легко и просто, но начальство отнеслось къ этому строго. Доложили государю, и докладъ этотъ, довершая собою цѣлый рядъ подобныхъ докладовъ, вызвалъ высочайшій указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, 16-го декабря 1816 года. Одновременно съ изгнаніемъ ихъ изъ Петербурга имъ былъ запрещенъ въѣздъ и въ Москву.

Въ виду свершающихся въ настоящее время изгнаній духовныхъ корпорацій изъ Франціи и появленія въ Петербургѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ главарей, въ томъ числѣ и извѣстнаго о. Дюлака, считаю нелишнимъ напомнить здѣсь объ этомъ указѣ правительствующему сенату:

«По возвращеніи нашемъ послѣ счастливаго окончанія заграничныхъ дѣлъ въ нашу излюбленную родину, намъ ввѣренную Господомъ Богомъ, мы убѣдились вслѣдствіе многочисленныхъ извѣстій, жалобъ и рапортовъ, до насъ дошедшихъ, въ совершенной правдѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: монахи іезуитскаго ордена римско-католической вѣры были упразднены папскою буллою, и какъ ихъ этимъ самымъ и всѣ прочія державы отстранили изъ собственныхъ, у нихъ не было болѣе пристанища. Россія, въ силу добродѣтели, человѣколюбія и терпимости въ дѣлахъ религіи, оставила ихъ у себя, дала имъ пристанище и не отказала въ могучемъ своемъ покровительствѣ всѣмъ бѣглецамъ. Она не запретила имъ видѣться съ людьми ихъ вѣры, не отклоняла ихъ отъ этого ни силою, ни преслѣдованіемъ, ни соблазномъ и въ замѣнъ всего этого ожидала отъ нихъ вѣрности, рачительности и пользы. Уповая на это, имъ было разрѣшено заниматься обученіемъ и преподаваніемъ юношеству. Отцы семействъ безтрепетно поручали имъ дѣтей своихъ для обученія наукамъ и нравственности. Но нынѣ несомнѣнно открылось, что они не сохранили долга благодарности и

вмѣсто того, чтобъ сохранить душевное смиреніе, какъ то приказываетъ христіанская заповѣдь, и оставаться мирными жителями иностраннаго государства, они возымѣли желаніе поколебать православную вѣру, первенствующую съ давнихъ поръ въ нашей имперіи, на которой основано счастье и благоденствіе многочисленныхъ народовъ, находящихся подъ нашимъ скиптромъ. Они стали злоупотреблять оказаннымъ имъ довѣріемъ, отклонили отъ нашей вѣры порученныхъ имъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ особъ женскаго пола, столь слабаго, соблазняя ихъ переходомъ въ католичество. Стараться внушить человѣку вѣроломство къ религіи его праотцовъ, заглушить въ немъ любовь къ людямъ одной съ нимъ вѣры, къ своимъ соотечественникамъ, отучить умъ его отъ духа его родины, сѣять распри и ненависть въ семействахъ, порождать разногласіе между сынами одной и той же религіи — это ли глаголъ и воля Бога, столь миролюбиваго и Его единственнаго Сына Человѣка Бога Христа, пролившаго Свою чистую кровь, дабы мы жили въ мирѣ и въ согласіи? Послѣ сихъ дѣлъ не станемъ удивляться, что общество этихъ монаховъ было изгнано изъ всѣхъ государствъ, и что ни одно не сочло возможнымъ допустить его у себя. Кто стерпитъ посреди себя сѣятелей злобы и междоусобій? Поэтому, принимая къ сердцу благополучіе нашего вѣрнаго народа и находя священнымъ и правильнымъ долгомъ искоренить зло въ самомъ началѣ, не давая ему времени дозрѣть и принести плодъ, мы повелѣваемъ возстановить католическую здѣшнюю церковь въ условіяхъ, въ которыхъ она находилась въ царствованіе бабки нашей, покойной императрицы Екатерины II и до 1800 года, и немедленно выслать изъ Петербурга всѣхъ монаховъ іезуитскаго ордена, запрещая имъ входить въ обѣ столицы.

«Александръ».

«С.-Петербургъ. 20-го декабря 1815 г.».

Въ силу этого указа 318 іезуитовъ покинули Россію.

Они уѣхали со спокойною совѣстью, унося съ собою счастье и спокойствіе многихъ семействъ. По тому, что произошло у насъ, можно судить о томъ, что было у другихъ. Когда именно бабушка моя перешла въ католичество, трудно опредѣлить. Понятно, что это хранилось въ глубочайшей тайнѣ. Если число, выставленное въ письмѣ аббата Сюрюга вѣрно (ноябрь, 1812 г.), то фактъ этотъ произошелъ не менѣе, какъ за три года до 1812-го года, но никто этого не зналъ.

Я живо помню разсказъ моей матери о томъ, что было первымъ толчкомъ къ духовному пробужденію Екатерины Петровны. При ней состоялъ домашнимъ докторомъ англичанинъ, атеистъ, съ которымъ она часто вела вольнодумные разговоры. Докторъ этотъ, живя со всей семьей графа Ростопчина въ Вороновѣ, упалъ съ

лошади или изъ экипажа и разбился до смерти. Передъ тѣмъ, какъ скончаться, онъ послалъ за бабушкой и сказалъ ей, что прозрѣлъ, но слишкомъ поздно, чтобъ спасти свою душу, и умолялъ ее позаботиться о собственномъ спасенiи. Въ ночь послѣ его смерти у нея было видѣнiе, и ее нашли распростертой на полу, въ глубокомъ обморокѣ. Очнувшись, она проявила признаки сильнаго душевнаго потрясенiя и, ко всеобщему изумленiю, отправилась къ обѣднѣ въ церковь, выстроенную неподалеку отъ дома и парка. Но тутъ ее ждало разочарованiе: высокiй смыслъ православнаго богослуженiя остался для нея непонятенъ, и найти утѣшенiя въ молитвѣ она тутъ не могла. Душевнымъ своимъ смятенiемъ она подѣлилась съ сестрой своей Голицыной, которая немедленно прислала ей аббата Сюрюга съ книгой «Подраженiе Христу».

Одновременно съ нею измѣнили православiю и двѣ ея сестры: княгиня Оболенская и графиня Варвара Петровна Протасова. Эта послѣдняя пережила всѣхъ своихъ сестеръ и скончалась дѣвицей въ 1860-хъ годахъ.

Между совращенными аббатомъ Сюрюгомъ лицами мнѣ припоминаются имена постригшейся въ монахини княгини Голицыной, двоюродной сестры бабушки, князя Одоевскаго, графини Пушкиной, княгини Долгорукой. Подробности преступной дѣятельности аббата Сюрюга можно найти въ его перепискѣ, захваченной въ Петербургѣ. Сюрюгъ проводилъ обыкновенно лѣто у княгини Голицыной, въ имѣнiи ея, Александровкѣ, въ 200 верстахъ отъ Москвы и тамъ безпрепятственно служилъ обѣдни. Онъ состоялъ при московской католической церкви и былъ главной причиной перехода бабушки въ католичество. Послѣ него дѣйствовалъ въ томъ же направленiи аббатъ Малербъ, капелланъ. Въ письмахъ своихъ къ брату А. Я. Булгаковъ называетъ Малерба развратнѣйшимъ человѣкомъ, живущимъ съ содержательницей пансiона, отъ которой у него были дѣти [1]).

---

[1]) Интересные способы употребляли святые отцы iезуиты для обращенiя въ католицизмъ русскихъ свѣтскихъ дамъ. Вотъ, между прочимъ, что доноситъ одинъ изъ нихъ въ Римъ: «Исповѣдовать ихъ не представляетъ большого затрудненiя, это удобно дѣлать и на большихъ балахъ, и въ концертахъ, и на парадныхъ обѣдахъ, а для причастiя я заказалъ ювелиру нѣсколько изящныхъ золотыхъ и серебряныхъ ковчежцевъ, въ которые кладу освященныя облатки и передаю незамѣтно эти ковчежцы моимъ духовнымъ дочерямъ. Имъ, такимъ образомъ, представляется полная возможность самимъ причащаться послѣ исповѣди».

Бабушка удобствомъ этимъ, по мнѣнiю А. Я. Булгакова, даже злоупотребляла и причащалась каждый день.

III.

Переписка братьевъ Булгаковыхъ.—Личность А. Я. Булгакова и мнѣніе о немъ князя П. А. Вяземскаго и Жуковскаго.—Смерть любимой дочери графа Ѳ. В. Ростопчина, Елизаветы Ѳедоровны.—Насильственное обращеніе ея въ католичество.—Послѣдніе дни графа Ѳедора Васильевича.—Личность Брокера.—Кончина графа Ѳедора Васильевича.

Прежде, чѣмъ приступить къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о бабушкѣ, я должна привести нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній о моемъ дѣдѣ людей, близко его знавшихъ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется необходимымъ, что, знакомясь съ многочисленными и разнообразнѣйшими отзывами о немъ, я нигдѣ, даже въ роскошнѣйшей библіотекѣ, собранной изъ сочиненій о 1812 годѣ, Иваномъ Христофоровичемъ Колодѣевымъ, не встрѣчала ничего про его супругу, кромѣ замѣтки въ письмѣ Тимоѳея Кирьяка къ князю И. М. Долгорукову отъ 8-го мая 1791 года («Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 691), двѣ строчки: «Кадриль одѣта была блистательнымъ образомъ, состояла изъ 24 паръ и дѣлилась на двѣ кадрили. Первую, т.-е. лѣвую, велъ принцъ Виртембергскій съ фрейлиной Е. П. Протасовой, а за ними великій князь Александръ Павловичъ со старшей Салтыковой», да въ рѣдчайшей брошюрѣ извѣстнаго библіофила Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, друга моего отца: «Rostoptchine, le comte Theodore. Note litteraire et bibliographique», про бабушку сказано, что она написала книгу безъ подписи: «Album allegorique. Moscou. 1814». Книга эта не разошлась, и у насъ топили ею печи въ нашемъ домѣ, на Лубянкѣ. Кромѣ того, про нее написано нѣсколько фразъ въ извѣстной перепискѣ Марьи Аполлоновны Волковой съ Ланской, и ничего больше. Но зато богатѣйшій матеріалъ для ея характеристики можно найти въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ, по которой можно прослѣдить за жизнью супруги великаго патріота почти день за день, съ 1804 года до 1830-хъ годовъ.

Характеристику же братьевъ Булгаковыхъ можно найти въ воспоминаніяхъ князя Вяземскаго («Русскій Архивъ», 1867 года, ст. 1437). Тамъ и мнѣніе о нихъ Жуковскаго, такое же лестное для обоихъ братьевъ, какъ и мнѣніе Вяземскаго.

Въ первыхъ своихъ письмахъ А. Я. Булгаковъ относится къ графинѣ Ростопчиной благосклонно, какъ къ супругѣ человѣка, къ которому онъ питаетъ безграничную любовь и уваженіе. Въ 1812 году, когда высочайшимъ приказомъ изъ Вильны, 29-го мая, графъ Ѳедоръ Васильевичъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, онъ вскорѣ предложилъ А. Я. Булгакову поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій и обходился съ нимъ, какъ съ домашнимъ человѣкомъ. Съ нимъ же вернулся онъ изъ Владиміра въ Москву и пережилъ минуты ужаса, при видѣ

потрясающаго зрѣлища взорваннаго Кремля, поруганныхъ святынь и всеобщаго разоренія.

30-го августа 1814 г., графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ должности, съ пожалованіемъ въ члены государственнаго совѣта, и вскорѣ, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхалъ на воды въ Германію, а оттуда въ Парижъ, гдѣ прожилъ почти семь лѣтъ. Въ 1825 году онъ вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь ждало его горе, которое вскорѣ свело его въ могилу: смерть послѣдней оставшейся при немъ дочери, Елизаветы, скончавшейся восемнадцати лѣтъ, во всемъ блескѣ очаровательной красоты.

У меня сохранился ея портретъ, набросокъ карандашомъ, съ легкой акварельною ретушью; это была брюнетка съ большими черными глазами и длинными рѣсницами. Бабушка разсказывала, что у воротъ ихъ всегда толпился народъ, чтобы взглянуть на красавицу Ростопчину. Старшія ея сестры были замужемъ: Наталья за Нарышкинымъ, а Софья за Сегюромъ. Какъ католичка, послѣдняя иначе, какъ за католика, не могла выйти.

Всегда нѣжный отецъ, дѣдушка еще нѣжнѣе полюбилъ милую, кроткую дѣвушку, обреченную на преждевременную смерть. Она скончалась отъ чахотки, схваченной при слѣдующихъ обстоятельствахъ: рано утромъ проходилъ мимо оконъ ея спальни полкъ съ музыкой. Чтобы полюбоваться невиданнымъ за границей зрѣлищемъ, она бросилась къ окну босикомъ и простудилась. Опасаясь разспросовъ и упрековъ строгой матери, а также, чтобъ не огорчать отца, она долго скрывала свое нездоровье, почти до послѣдняго часа обѣдала за общимъ столомъ и упросила доктора не говорить родителямъ о безнадежности ея положенія, увѣривъ его, что она сама подготовитъ ихъ къ мысли ее потерять. Наканунѣ смерти хотѣла она, какъ всегда, спуститься внизъ, чтобъ обѣдать за общимъ столомъ, но силы ей измѣнили, и ее уложили въ постель. Она исповѣдывалась, пріобщалась и соборовалась въ полной памяти и съ изумительною твердостью духа, безпокоясь только о томъ, что г-жа Тончи (жена извѣстнаго художника) не приноситъ ей денегъ за наряды, которые она поручила ей продать. Деньги она непремѣнно хотѣла еще при жизни раздать прислуживавшимъ ей женщинамъ. Взявъ за руку отца, она сказала: «Папа, я была часто нетерпѣлива во время болѣзни, прошу у всѣхъ за это прощеніе, а въ особенности у сестры Наташи. Напишите ей объ этомъ. Сама я ей этого не могла сказать, она немного глуха, а громко говорить мнѣ больно». Помолчавъ, она поцѣловала руку отца и стала просить, чтобы послѣ ея смерти приданое ея раздѣлить поровну между ея сестрами. Часы свои она отдала брату Андрею, съ просьбою ея не забывать. Всѣ вокругъ нея рыдали, одна страдалица была покойна, смотрѣла смерти прямо въ глаза и просила родителей итти отдохнуть, увѣряя, что чувствуетъ себя

лучше. Въ половинѣ четвертаго графиня уговорила мужа прилечь, утверждая, что, по мнѣнію доктора, роковая развязка не такъ еще близка. Убитый горемъ и самъ больной Ѳедоръ Васильевичъ ушелъ къ себѣ и заснулъ. Часа два спустя, жена разбудила его словами: «Лиза скончалась въ шесть часовъ и скончалась католичкой: послѣ вашего ухода она отреклась отъ православія и причастилась св. таинъ по католическому обряду».

Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать несчастный отецъ! Онъ понялъ, что удалили его съ злымъ умысломъ, чтобы привести въ исполненіе заранѣе подготовленный коварный замыселъ, и истерзанному его сердцу былъ нанесенъ жесточайшій ударъ извѣщеніемъ о предсмертномъ отреченіи любимаго ребенка отъ вѣры праотцовъ! Пусть каждый отецъ, преданный сынъ своей церкви, теряющій дочь, представитъ себѣ нравственную пытку, которой подвергла его неумолимая фанатичка жена!

Мать моя часто мнѣ разсказывала ужасныя подробности этой смерти, слышанныя ею не отъ одного А. Я. Булгакова: удаливъ довѣрчиваго супруга, Екатерина Петровна позвала католическаго священника и заперлась съ нимъ и съ приживалками въ комнатѣ умирающей. Что тамъ произошло? Угрозами ли заставили несчастную причаститься облаткой или воспользовались ея слабостью, чтобъ вымучить ея отреченіе отъ православія,—это осталось тайной, и одно только извѣстно: предсмертная агонія страдалицы была не только борьбой между жизнью и смертью, но и борьбой изнасилованной души... Такъ понялъ это убитый горемъ отецъ. Онъ отвѣтилъ торжествующей католичкѣ: «Когда я простился съ моею дочерью, она была православной». И послалъ за приходскимъ священникомъ.

Взбѣшонная фанатичка въ свою очередь послала за аббатомъ. Оба встрѣтились у тѣла усопшей и отказались служить панихиду. Тогда дѣдъ мой написалъ митрополиту. Узнавъ, что усопшая исповѣдывалась и причащалась наканунѣ безъ малѣйшаго протеста и намека на будто бы поколебавшуюся въ ней вѣру въ нашу святую церковь, митрополитъ Филаретъ приказалъ отпѣвать ее, какъ православную. Лизу Ростопчину похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ умершими до нея младенцами, братомъ ея Павломъ и сестрой Маріей. Возлѣ нея вскорѣ тутъ положили и отца ихъ, а затѣмъ Наталью Ѳедоровну Нарышкину и мою мать. Осталось еще одно мѣсто, надѣюсь, для меня, такъ какъ братъ мой Викторъ Андреевичъ похороненъ въ Омской губерніи.

Вся Москва явилась на похороны столь рано почившей юной красавицы. Отсутствовала только ея мать, какъ впослѣдствіи она отсутствовала при похоронахъ мужа... Свято берегла она свою душу отъ оскверненія схизматическими обрядами.

Съ этой минуты дни Ѳедора Васильевича были уже сочтены. Онъ сталъ постоянно хворать; московскій пожаръ надломилъ его

желѣзную, энергичную натуру, вынесшую всю лихорадочную дѣятельность эпохи, предшедствовавшей сдачѣ Москвы. Онъ не умеръ «отъ Москвы», какъ любилъ повторять доблестный князь Багратіонъ, когда умирающаго дѣда моего вывезли изъ обреченной на гибель столицы, но онъ похоронилъ съ нею всю свою дѣятельность, карьеру, цѣль жизни. Что-то могучее и свѣтлое оборвалось въ его сердцѣ, когда съ высотъ Воробьевыхъ горъ онъ въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ волшебную красоту стоглавой «матушки Москвы». Умеръ тогда московскій главнокомандующій, вѣрный слуга и сынъ отечества, остался жить только графъ Ростопчинъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ.

Мы знаемъ, что, какъ мужъ, онъ былъ поруганъ въ своемъ довѣріи къ женѣ, и много выстрадалъ, какъ отецъ, отъ старшаго сына, отъ перехода въ католичество второй своей дочери и отъ брака ея съ чужестранцемъ; утѣшеніемъ и гордостью оставалась для него только младшая дочь, и эту похитила у него смерть. Онъ остался одинъ у домашняго очага (второй сынъ его былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать отца), съ суровой, взбалмошной женой, которую онъ не могъ больше ни любить, ни уважать. Ихъ связывало только свѣтское приличіе, союзъ же душъ ихъ давно былъ нарушенъ неумолимымъ фанатизмомъ графини. Печальны были послѣдніе годы русскаго вельможи, бывшаго главнокомандующаго Москвы, великаго патріота Ростопчина! Всѣ относились къ нему съ уваженіемъ и чтили въ немъ прошлое; даже и враги, созданные его острымъ языкомъ и вспыльчивымъ нравомъ, были обезоружены внезапною кончиною его любимой дочери. Смерть эта окончательно омрачила послѣдніе дни Ѳедора Васильевича: ему оставалось жить однимъ умомъ, для сердца радостей уже не было, а тѣлесные недуги усиливались. Выѣзжалъ онъ мало, и единственнымъ развлеченіемъ служили ему посѣщенія друзей, къ числу которыхъ принадлежалъ А. Я. Булгаковъ. Къ довершенію всего, домашній строй со дня на день усиливалъ раздражительность графа: духовный разладъ съ женою обострялся и тѣмъ болѣе разрушительно на него дѣйствовалъ, что гордый и скрытый нравъ заставлялъ его все таить въ себѣ. Никогда не жаловался онъ никому на свои семейныя невзгоды и, не взирая на пылкій нравъ и впечатлительность, ни разу не обмолвился ни единымъ словомъ самымъ близкимъ о своей горькой, сердечной тайнѣ. А. Я. Булгаковъ хотя многое и подозрѣвалъ, но такъ уважалъ графа, что свято хранилъ про себя свои догадки и предположенія.

Въ октябрѣ 1825 года съ графомъ случился сильный припадокъ разлитія желчи. Въ началѣ декабря было два консиліума, но болѣзнь, при сильно разстроенномъ организмѣ, лѣченію не поддавалась. 25-го декабря, докторъ Пфеллеръ сталъ опасаться воспаленія въ кишкахъ съ гангреной. Надо было приготовить больного

къ исполненію послѣдняго христіанскаго долга; графиня отъ этого отказалась, подъ предлогомъ, что боится его испугать, но я увѣрена, что ей просто не хотѣлось впускать въ домъ «схизматика» изъ поповъ, о которыхъ она всегда выражалась съ ненавистью. Въ этомъ случаѣ ей, пожалуй, можетъ служить извиненіемъ увѣренность въ невозможности получить отпущенія грѣховъ отъ православнаго причастія.

По праву старой дружбы, А. Я. Булгаковъ рѣшился сказать графу, что ему слѣдовало бы исполнить долгъ всякаго тяжко больного христіанина. Зорко на него взглянувъ, графъ спросилъ: «Кто поручилъ вамъ мнѣ это сказать, жена моя или докторъ?» Булгаковъ отвѣтилъ, что никто ему этого не поручалъ, и графъ приказалъ входившей въ эту минуту въ комнату графинѣ послать за приходскимъ священникомъ[1]).

Исповѣдь и причастіе продолжались около часу, и когда домашніе вошли къ графу, онъ взялъ руку Булгакова и сказалъ съ чувствомъ: «Благодарю васъ, мой другъ, вы мнѣ доказали вашу привязанность». На вопросъ: «Не утомился ли онъ?» графъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, хотя я много говорилъ. Я очень доволенъ и собою, и священникомъ. Это умный человѣкъ». Затѣмъ, онъ обратился къ Брокеру: «Адамъ Ѳомичъ, вотъ крестъ съ мощами, хранящійся болѣе ста лѣтъ въ нашемъ родѣ, сбереги его для Андрея».

Такъ какъ А. Ѳ. Брокеръ будетъ играть большую роль въ моемъ разсказѣ, считаю необходимымъ сказать про него нѣсколько словъ.

Родомъ шведъ, Брокеръ служилъ сначала во флотѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ и былъ отставленъ почтдиректоромъ Ключаревымъ въ 1810 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ключаревъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ московскихъ масоновъ, скрывалъ свой мистицизмъ подъ личиной добродушія, а пылкій и откровенный Брокеръ ненавидѣлъ фальшь и притворство. Въ то время почтдиректора пользовались привилегіей пересылать свои письма и посылки даромъ и злоупотребляли этимъ, чтобъ посылать и получать почтой безвозмездно цѣлые тюки. Однажды такой тюкъ, присланный изъ-за границы, былъ вскрытъ, и въ немъ оказались запрещенныя для ввоза въ Россію табакерки изъ Брауншвейга, главнаго мѣстопребыванія масоновъ. Присутствовавшій при вскрытіи тюка Брокеръ приказалъ другому чиновнику, Рудольфову, составить протоколъ. Разгнѣванный разоблаченіемъ его

---

[1]) По словамъ Снегирева («Русскій Архивъ», октябрь 1903 г., стр. 283), вотъ какъ произошло это событіе: «Онъ (графъ Ростопчинъ) исповѣдывался и причащался у приходскаго іерея Сергѣя Алексѣева (впослѣдствіи протоіерея Казанскаго собора), соборовался, стоя на ногахъ, велѣлъ похоронить себя въ томъ же сюртукѣ и туфляхъ, въ которыхъ ходилъ, безъ всякой пышности, просто, одному священнику. Это было за два дня до его смерти».

тайны Ключаревъ приказалъ Рудольфову подать въ отставку. Несчастный имѣлъ жену и дѣтей и, кромѣ службы, никакихъ средствъ къ существованію. Пылкій Брокеръ, чтобъ его спасти, полетѣлъ въ Петербургъ, явился къ главному директору почтъ, князю Куракину, и добился смѣщенія Ключарева и назначенія на его мѣсто Рудольфова, самъ же вышелъ въ отставку. Въ 1798 г., онъ имѣлъ случай познакомиться съ отцомъ графа Ростопчина, орловскимъ помѣщикомъ Василіемъ Өедоровичемъ, человѣкомъ веселымъ и добродушнымъ, который такъ съ нимъ сошелся, что, пріѣзжая по дѣламъ въ Москву, всегда его навѣщалъ, поручалъ ему веденіе своихъ дѣлъ и иногда останавливался въ его маленькой квартирѣ, при чемъ нимало не стѣснялъ часто собиравшееся у гостепріимнаго хозяина общество молодежи. Старикъ Ростопчинъ скончался въ 1799 году. Сынъ его, конечно, вспомнилъ о Брокерѣ и, когда въ іюлѣ 1812 года былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы, назначилъ его третьимъ московскимъ полицмейстеромъ, уважая въ немъ необыкновенную честность, признанную всѣми жителями Москвы безъ исключенія. Про его безкорыстіе разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ мнѣ извѣстно, что онъ передалъ дѣду сумму въ 30 тысячъ, поднесенную ему московскими купцами въ корзинѣ съ фруктами, и на эти деньги дѣдъ построилъ бесѣдку для музыкантовъ на Тверскомъ бульварѣ. Кромѣ честности и дѣятельности, дѣдъ цѣнилъ въ Брокерѣ тожественную съ нимъ антипатію къ масонамъ и къ Ключареву. Извѣстно, какъ страстно и неусыпно преслѣдовалъ графъ Өедоръ Васильевичъ масоновъ; ему, конечно, лучше, чѣмъ кому либо, были извѣстны причины, навлекшія на нихъ гнѣвъ императрицы Екатерины II. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что Брокеръ, личный врагъ ихъ представителя Ключарева, будетъ зорко слѣдить какъ за ними, такъ и за мартинистами, которые подъ личиною благочестія и благотворительности всюду преслѣдовали политическія цѣли.

Когда въ 1815 году графъ Өедоръ Васильевичъ переѣхалъ на время въ Петербургъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ поручилъ преданному ему Брокеру веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ и управленіе всѣми своими имѣніями, селомъ Вороновымъ въ Московской губерніи и другими въ Орловской и Воронежской. Изъ переписки ихъ, довѣренной издателю «Русскаго Архива» сыномъ покойнаго Брокера, Владиміромъ Адамовичемъ, можно судить объ отношеніяхъ дѣда къ его отцу. Графъ постоянно называетъ Адама Өомича «сердечнымъ другомъ» и выражаетъ такое довѣріе къ его честности и преданности, что это и удивляетъ, и трогаетъ въ такомъ скептикѣ, какимъ былъ строгій, неумолимый въ сужденіяхъ своихъ о людяхъ, графъ Ростопчинъ. Всѣ друзья его отличались благородствомъ души, умомъ и преданностью отечеству: оба Ворон-

цовы, князь Циціановъ, князь Багратіонъ, Булгаковъ, Горчаковъ и другіе; скромный Брокеръ занималъ въ сердцѣ дѣда не послѣднее мѣсто въ этой блестящей компаніи. Вернувшись на родину, графъ помѣстилъ его съ семьей въ одномъ изъ флигелей своего дома. Брокеръ былъ при немъ неотлучно во время его болѣзни и присутствовалъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ при его кончинѣ.

Послѣ причастія дѣду немного полегчало, но не надолго, и, чувствуя приближеніе смерти, онъ сказалъ: «Я вижу, что дальше жить недостоинъ, и прошу Бога избавить меня отъ страданій». 27-го числа онъ соборовался, и твердость его духа и христіанское смиреніе поражали всѣхъ присутствующихъ. Онъ со всѣми прощался, всѣхъ близкихъ одарилъ по-царски и сказалъ священнику: «Похороните меня, батюшка, въ простомъ гробѣ, положите рядомъ съ моею дочерью Лизою. На могилѣ моей быть простой мраморной доскѣ съ надписью: «Здѣсь прахъ Ѳедора Ростопчина», безъ всякихъ титуловъ».

Часто благодарилъ онъ Бога, что умираетъ въ Москвѣ, среди друзей, благодарилъ А. Я. Булгакова за напоминаніе объ исполненіи христіанскаго долга передъ смертью и за то, что онъ заставилъ его простить старшаго сына, Сергѣя, котораго онъ заочно благословилъ и приказалъ женѣ выдавать ему ежегодно на содержаніе 20 тысячъ, если окажется, что долги его превышаютъ стоимость оставленнаго ему имѣнія. Но, невзирая на твердость духа, страданія часто вырывали у него восклицаніе: «Господи, сжалься надо мною грѣшнымъ, прекрати мои страданія!» На замѣчаніе Булгакова, что страданія временныя, а блаженство вѣчно, онъ смиренно возражалъ: «Недостоинъ я царства небеснаго», на что подруга его жизн утѣшала его такими словами: «Кто смиряется передъ Богомъ, тотъ этимъ возвышается. Вспомни о разбойникѣ на крестѣ и не сомнѣвайся въ милости Божіей». Къ утру съ нимъ сдѣлался легкій нервный параличъ, послѣ котораго онъ началъ говорить съ трудомъ, вечеромъ снова со всѣми простился и у всѣхъ просилъ прощенія, потомъ приказалъ принести шкатулку съ табакерками и приказывалъ Брокеру кому какую отдать: зятю Сегюру, дочери Натальѣ, князю Масальскому, Муромцеву князю А. П. Оболенскому, Кампорозіо и другимъ, и дѣлалъ разныя распоряженія.

Жилъ у него изъ милости грекъ Метакса съ семьей; онъ благодарилъ его за дружбу и назначилъ ему изъ доходовъ сына Андрея пожизненную пенсію въ двѣ тысячи рублей. Метакса зарыдалъ и упалъ на колѣни. Графъ сказалъ: «Счастливъ я, что могу сдѣлать добро доброму семейству». Обратившись къ двумъ своимъ камердинерамъ, французамъ, онъ сказалъ: «Друзья мои, вы усердно мнѣ служили въ продолженіе семи лѣтъ, можете оставаться при моей женѣ, а если пожелаете вернуться на родину, вамъ выдадутъ

каждому по три тысячи франковъ. Не забывайте меня». Русскихъ же людей онъ отпустилъ на волю и каждаго съ наградой.

Брокеру онъ ничего не сказалъ, но вытребовалъ незадолго передъ тѣмъ свое духовное завѣщаніе изъ опекунскаго совѣта и прибавилъ къ нему несколько строкъ.

Пораженный такою христіанскою смертью, растроганный Булгаковъ сказалъ ему: «Я напишу исторію вашей жизни». «Для чего?» «Это послужитъ мнѣ утѣшеніемъ». «Это—дѣло другое, но прошу васъ, мой другъ, пишите одну только правду». «Вамъ нечего опасаться», отвѣчалъ Булгаковъ.

Оба его легкія были поражены. Замѣтивъ, что доктора удалились для совѣщанія, онъ сказалъ Булгакову: «Другъ мой, упросите, пожалуйста, Пфеллера не давать мнѣ лѣкарства для продленія жизни, я страдаю, мучу жену и васъ всѣхъ».

Крѣпость его организма была такова, что онъ прожилъ до 18-го января, съ водянкой въ груди, пораженными легкими, съ огромнымъ скопленіемъ желчи, давившимъ печень, и, кромѣ того, съ обычными своими недугами—ревматизмомъ, геморроемъ и полнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. И при всемъ этомъ выдавались такіе дни, когда друзья его надѣялись, что изумительная сила его организма одолѣетъ всѣ эти недуги. Иногда страшныя муки заставляли его молить о смерти, и онъ просилъ докторовъ вскорѣе прекратить его страданія. Опіумъ мало дѣйствовалъ. И все-таки свойственный ему юморъ его не покидалъ, и во время одного изъ перерывовъ между припадками жесточайшей боли, услышавъ, что присутствующіе разговариваютъ между собою о декабристѣ Трубецкомъ и о планахъ его произвести въ Россіи такую же революцію, какую сдѣлали во Франціи, онъ замѣтилъ: «Это совершенно напротивъ. Тамъ повара захотѣли сдѣлаться князьями, а у насъ князья—сдѣлаться поварами».

16-го января, ночью, произошла перемѣна къ худшему: одинъ глазъ ввалился, на лбу и на рукахъ появились черныя пятна, его перестали понимать, но наканунѣ смерти онъ внятно сказалъ, протягивая руку Метаксѣ и Булгакову: «Прощайте, прощайте, я умираю».

Скончался онъ 18-го, въ семь часовъ вечера, въ присутствіи Булгакова и Брокера. Графиня подъ предлогомъ головной боли удалилась на свою половину тотчасъ послѣ обѣда. Въ 5 часовъ вѣрные друзья услышали слова, произнесенныя умирающимъ: «Боже! Боже! возьми меня!» Это были его послѣднія слова. Отдавшись въ руки Создателя и Судіи своего, онъ болѣе не произносилъ ни слова и лежалъ спокойно, безъ стоновъ, но въ памяти. Друзья его, сидя поодаль, тихо разговаривали между собою о состояніи дорогого умирающаго. Брокеръ сказалъ, что графъ ужъ потерялъ сознаніе, и что д-ръ Рамихъ съ минуты на минуту ждетъ пара-

лича мозга, но тутъ Булгаковъ увидалъ, что графъ правой рукой щупаетъ пульсъ у лѣвой, и сказалъ: «Вотъ вамъ доказательство, что онъ въ полной памяти, онъ щупаетъ себѣ пульсъ». «Быть не можетъ!» возразилъ Брокеръ и подошелъ къ постели умирающаго: графъ дѣйствительно щупалъ себѣ пульсъ. Вскорѣ Брокеръ услышалъ у него шумъ въ груди, но Булгаковъ, стоявшій дальше, ничего не слыхалъ. Шумъ повторился: то была мокрота, ускорившая конецъ. Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина: сердце, горѣвшее столь пламенною любовью къ отечеству, перестало биться. Московскій патріотъ, наполнившій міръ своею славою и умомъ, окончилъ свое земное поприще, душа его, прошедшая черезъ горнило страданій, отлетѣла...

Встревоженный спокойствіемъ умирающаго, Булгаковъ взялъ свѣчу и подошелъ къ изголовью: графъ Ростопчинъ былъ уже безъ дыханія. Преданный другъ закрылъ глаза въ то время, какъ Брокеръ придерживалъ его голову. Въ эту минуту у обоихъ одно только было на умѣ: онъ пересталъ страдать!

До слѣдующаго утра графиня не выходила изъ своихъ комнатъ. Подходила ли она къ тѣлу мужа—неизвѣстно. Булгаковъ пишетъ, что она на другой день за нимъ послала, чтобъ узнать подробности о нослѣднихъ минутахъ мужа. И тутъ только Александръ Яковлевичъ въ первый разъ увѣдомляетъ брата о переходѣ графини въ католичество, и что она имѣетъ сердце холодное, невзирая на католическую набожность. «Ворочала она и меня, но я ей сказалъ, что католики будутъ въ аду, а греки въ раю, и что спастись можно въ каждомъ вѣроисповѣданіи». Она даже не поблагодарила его за то, что онъ цѣлый мѣсяцъ почти не выходилъ изъ комнаты графа и не видѣлъ нѣжно любимой имъ семьи.

Выносъ тѣла послѣдовалъ 20 января, и хотя, по желанію графа, приглашеній никому не было послано, явилось множество народа провожать тѣло. Всѣхъ поразило, что покойникъ лежалъ, какъ живой, и нисколько не измѣнился, но еще болѣе были изумлены отсутствіемъ вдовы не только въ церкви, но и на выносѣ. Графиня, вѣрная самой себѣ, избѣгала оскверниться присутствіемъ при молитвахъ нашей православной церкви! 22 января послѣдовали похороны на Пятницкомъ кладбищѣ, въ присутствіи всей Москвы съ генералъ-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ, во главѣ. «Можно мстить живому», пишетъ Булгаковъ, «но умершему воздастся то, чего онъ заслуживаетъ. Не будетъ другого Ростопчина».

Графиня Л. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).